

ные знания, а главное — по-настоящему любит свое дело. Имя М. О. Косвена широко известно советскому и зарубежному читателю как имя крупного историка первоначально общества и столь же крупного кавказоведа. Можно сказать, что его «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» станут настольной книгой для многих поколений кавказоведов. Пожелаем, чтобы автор скорее издал уже подготовленное им окончание этого ценного исследования.

В работе имеются некоторые улучшения, но они неизбежны при таком широком охвате материала. Принятый автором принцип отбора сочинений, содержащих только этнографические материалы, весьма условен, так как трудно бывает определить, где кончается этнография и начинается экономика, история, археология или лингвистика. Условность принятого автором принципа нередко чувствуется при чтении этой работы.

Второй выпуск «Кавказского этнографического сборника» — безусловно удачная и полезная для советского читателя книга. Желательно, чтобы в дальнейшем не было столь длительных задержек в издании следующих выпусков этой серии.

Отметим, наконец, следующее непонятное обстоятельство. Первый выпуск «Кавказского этнографического сборника» был напечатан тиражом в 2000 экземпляров и очень быстро полностью был распродан. Второй выпуск издан тиражом в 1200 экземпляров. Таким образом, 800 обладателей первого выпуска лишены возможности приобрести второй выпуск этого крайне нужного пособия.

Л. И. Лавров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ О ТИБЕТЕ И ТИБЕТЦАХ

В 1954—1958 гг. в разных странах было издано несколько альбомов, посвященных Тибету. До последнего времени иллюстрированных изданий об этой далекой и до сих пор малоизученной стране не было, а иллюстративный материал в книгах о Тибете никогда не занимал большого места¹. Авторы данных альбомов — в основном участники научных экспедиций, фотокорреспонденты и кинооператоры. Эти издания дают непосредственное и конкретное представление о стране, ее населении, архитектуре ее городов и деревень, в них отражены важнейшие события в жизни Тибета последних лет.

В 1954 г. в Китае был издан альбом «Тибет»². Введение и текст «Соглашения о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» даны на китайском и тибетском языках. Иллюстративная часть альбома состоит из нескольких разделов, каждый из которых открывается небольшим вступлением. Основная цель альбома — отразить в иллюстрациях мирное освобождение Тибета, то новое, что внесло оно в жизнь тибетского народа после его воссоединения с братской семьей народов Китая. Эта цель составителями альбома достигнута. В иллюстрациях отображена жизнь Тибета последних лет. На фотоснимках запечатлены моменты дружеской встречи населением вступающих в Тибет частей Народно-Освободительной армии Китая. Совместный труд тибетцев и китайских солдат на полях земледельцев, на работах по подъему целинных земель, на строительстве новых сооружений также достаточно полно отражен в альбоме. На фотоснимках мы видим китайских воинов, беседующих с местным населением, китайцев, изучающих тибетский язык.

Нашла отражение в альбоме жизнь тибетского народа — прием больных в лхасской народной больнице, сценки из школьной жизни Лхасы, строительство новых домов в городе. Многие иллюстрации этого раздела интересны в этнографическом отношении: на них запечатлены современная одежда и прически тибетцев различных районов, процесс кустарного производства ковров в Гьянцзе, традиционном центре этого ремесла, работа тибетских ткачей и т. п. Интересны снимки широко известных в Тибете монастырей, играющих значительную роль в его жизни, — Брайбуна, Сэры, Галдана, Дашийхлунбо, а также общий вид города Гьянцзе.

Таким образом, в альбоме «Тибет» отображены главным образом мирное освобождение Тибета, первые шаги тибетского народа на пути экономического и культурного строительства и дружба китайского и тибетского народов.

С этнографической точки зрения большой интерес представляет альбом «Путь в Лхасу»³, составленный двумя чешскими кинооператорами — В. Сисом и Й. Ванишем. Авторы находились в Тибете с 1953 по 1955 г. и вместе с китайскими кинооператорами работали там над созданием фильма о Тибете. В большом предисловии к альбому авторы в эмоциональных тонах повествуют о своем путешествии по Сикан-Тибетскому

¹ В русской литературе одни из первых фотографий Лхасы дал О. М. Норзунов в работе «Лхаса и главные монастыри Тибета в фотографиях» (см. «Изв. Русского географического общества», т. XXXIX, вып. I—V, 1903, стр. 219—227).

² «Сицзан хуацзи», Пекин, 1954, 139 стр.

³ V. Sis, J. Vaníš, Der Weg nach Lhasa, Prag, 1956, 55 стр. + 223 илл.

шоссе, строительство которого было закончено к 1954 г., о посещении Лхасы и других районов Тибета. Иллюстрации в альбоме, как цветные, так и черно-белые, отличаются высоким качеством. В 1958 г. этот альбом был издан в Лондоне в переводе на английский язык⁴.

Альбом «Путь в Лхасу» ценен прежде всего тем, что в нем представлены одеяла, головные уборы и украшения различных слоев населения Тибета (снимки 57, 64, 173, 205, 218—220). В некоторых случаях, что также важно, авторы давали отдельные детали одежды или украшения более крупным планом. Снимки городов, деревень, монастырей, отдельных домов тибетцев знакомят с основными особенностями тибетской архитектуры. В этом разделе также даны крупным планом снимки (в основном цветные) архитектурных деталей тибетских домов, преимущественно храмовых строений и Поталы (украшения на углах крыши, детали фронтонов, входов, окон и т. д.). На снимке 177 видна общая планировка тибетского дома центральных районов страны — замкнутый четырехугольник с открытым двором в центре и выходящей на него верандой. Особенно большую ценность представляют снимки стеной росписи и различных архитектурных деталей внутренних помещений Поталы. Снимки выполнены, несмотря на технические трудности, с большим мастерством. Если общий вид Поталы по фотоснимкам был давно хорошо известен, то снимки внутренних помещений двор в таком количестве даны впервые. В этом альбоме широко отражены повседневная жизнь и обычные занятия различных слоев населения Тибета. Мы видим на них стада овец на пастбищах, земледельцев во время пахоты и уборки урожая, тибетских женщин, занятых приготовлением чая или сушкой аргала на топливо.

Многочисленны и иллюстрации альбома, на которых показаны связанные с ламаизмом обряды, танцы «чам» (в монгольском произношении «цям») и т. п. Особый раздел издания посвящен новым явлениям в жизни тибетцев после мирного освобождения Тибета. На одной из иллюстраций запечатлен исторический момент, как бы знаменующий наступление новой эры в истории Тибета, — первый автомобиль 25 декабря 1954 г. въезжает в Лхасу под приветственные возгласы населения города.

В целом этот альбом, в известной мере отражая повседневную жизнь тибетцев при ввинчивании Уй и Цзан, представляет большую ценность для всех интересующихся бытом и хозяйством тибетцев, архитектурой их жилищ.

В 1957 г. был издан альбом П.-Ф. Меле «Тибет»⁵. Автор его — участник тибетской экспедиции 1948 г., которой руководил один из виднейших ученых, занимающихся связанными с Тибетом проблемами, профессор Римского университета Д. Туччи. Экспедиция, в которой Меле выполнял, наряду с другой работой, также и обязанности фотографа, обследовала районы долины Цангпо (за исключением Лхасы). Наиболее полно в альбоме отражена религиозная жизнь Тибета. Здесь интересны фотоснимки (34—37) масок, употребляемых тибетцами во время чама. Значительное место в альбоме занимают портретные снимки людей различного социального положения. В разделе архитектуры можно отметить снимок одного из древнейших монастырей страны — Самье. Интересна деревянная лодка, вмещающая до десяти человек и десяти лошадей, которой пользуются на Цангпо наряду с обычной кожаной. Отдельно крупным планом дан ее нос, украшенный вырезанным из дерева изображением головы лошади, типичным для такого рода лодок. Альбом П.-Ф. Меле во многом полезен для этнографов.

В иллюстративном отношении известный интерес представляет также книга И. Патко и М. Рев «Тибет», изданная в 1957 г. в Будапеште⁶. Ее авторы, по национальности венгры, в 1956 г. побывали в Лхасе, и их впечатления о поездке по Цинхай-Тибетскому шоссе и о центральных районах Тибета обобщены в данной книге, в которой помещено большое количество черно-белых и цветных иллюстраций. Но, к сожалению, зачастую качество их оставляет желать лучшего. К тому же известной небрежностью можно объяснить то, что иллюстрация на супер-обложке издания была напечатана с перевернутого негатива, чем обусловлено обратное и поэтому неверное изображение старика-тибетца с обнаженным левым плечом, тогда как тибетцы, спустив рукав верхней одежды, обнажают только правое плечо (фото 89 дает нормальное изображение этого же старика). В иллюстрациях книги отражен в основном уже довольно хорошо известный по другим изданиям район центрального Тибета, а иллюстрации по северным районам страны, к сожалению, немногочисленны. Для этнографа здесь интересны снимки женских украшений, типичных для северных, скотоводческих районов Тибета (фото 184, 186). Все же данная книга благодаря обилию иллюстративного материала является приятным исключением из ряда вышедших в последние годы книг о Тибете, где, как правило, иллюстрации занимают незначительное место.

Более интересен для этнографа альбом Е. Сяо и Х. Хаузера, проведенных в Тибете лето и осень 1956 г.⁷ Во введении авторы сообщают краткие сведения по истории Тибета и происшедших за последние годы переменах в стране. Они прибыли в Тибет по Цинхай-Тибетскому шоссе и через Шигацзе, Гьянцзе доехали до Ядуна. В прекрасно выполненных черно-белых и цветных фотоснимках отражены природа и быт населе-

⁴ V. Sis, J. Vaniš, On the road through Tibet, translated by I. Urwin, London, 1958, 51 стр. + 224 илл.

⁵ P. F. Mele, Tibet, London, 1957, 80 илл.

⁶ Imre Patko, Miklós Rév, Tibet, Budapest, 1957, 147 стр. + 210 илл.

⁷ E. Siao, H. Hauser, Tibet, Leipzig, 1957, 38 стр. текста + 143 стр. илл.

ния посещенных авторами районов страны. Для специалиста-этнографа в этом альбоме важны снимки значительно различающихся между собой головных уборов и украшений тибеток Цинхя, провинций Уй и Цзан, а также портретные снимки тибетцев различных районов страны. Можно отметить также несколько иллюстраций, посвященных работе ткачей в Гьянцзе. К сожалению, фотоснимки, сделанные в районе Ядуна, не отличаются особой выразительностью, и крайние южные районы Тибета, в отличие от центральных, не отображены в альбоме достаточно полно. Раздел, отражающий строительство новых дорог, больниц, электростанций, труд ветеринаров и сельскохозяйственных работников на опытных полях, дает самое непосредственное представление о новых явлениях жизни Тибета.

Несколько особняком среди рецензируемых изданий стоят два альбома. В обширном предисловии к альбому Л. Исла, В. Сиса и Я. Ваниша «Тибетское искусство»⁸ сообщаются некоторые сведения о ламаизме — о пантоне его божеств, о его отношении к древней религии тибетцев — бон, а также о традиционных культурных связях Тибета с Индией и Китаем и об их преломлении в искусстве. Хорошие черно-белые и цветные фотоснимки предметов искусства тибетцев снабжены подробными пояснениями, что еще более повышает ценность издания.

Альбом дает относительно полное представление об искусстве тибетцев. Большой раздел отведен архитектуре домов, храмов, различных сооружений религиозного назначения, в том числе столь многочисленных в Тибете монастырей и т. д. Интересен снимок 15 — вид с Поталы на жилые помещения дворцовых слуг, огражденные каменной стеной. На иллюстрации видна характерная для тибетских домов-крепостей общая планировка. Особый интерес представляют снятые крупным планом отдельные архитектурные детали — капители колонн, консольные и архитравные балки зданий, обрамления оконных и дверных проемов, которые тибетские мастера, как правило, богато украшают. Авторы отмечают, что в резьбе по дереву сказывается влияние Индии. По-видимому, здесь также можно говорить и о наличии некоторых черт непальского искусства. Известно, что в Тибете с давних пор работали непальские ремесленники различных специальностей.

Следующий раздел альбома посвящен одежде, прическам и украшениям тибетцев. Следует отметить, что, взяв в совокупности иллюстрации всех рассматриваемых альбомов, мы уже можем получить довольно полное представление о бытующей в настоящее время, преимущественно в центральных районах Тибета, одежде различных слоев населения.

Наиболее ценен в научном отношении раздел, в котором представлена стенная роспись внутренних помещений Поталы. До самого последнего времени эта область художественного мастерства тибетского народа не была широко известна. В альбоме помещены репродукции настенной росписи, где, в частности, изображено строительство самого дворца. Мы благодарны авторам альбома за то, что они дали наглядное представление о художественных богатствах сокровищницы тибетского народа — Поталы.

Работа тибетских резчиков по камню также нашла отражение в альбоме, наряду со скульптурой из глины и различных пластических масс с примесью глины. Скульптурные портреты известных в истории Тибета лиц выполнены в традиционной манере, как бы подчеркивающей отрешение от всего земного. Более реалистичны некоторые из бронзовых статуэток; так, изображая настоятеля монгольского монастыря (фото 72), неизвестные мастера сумели передать в выражении его лица целую гамму человеческих чувств, характер этого человека.

Закрывает альбом раздел прикладного искусства тибетцев: чеканные изделия из металла (чайники, сосуды и ящички различного назначения), изделия из дерева с накладками из позолоченной латуни и красной меди и т. д. Следует отметить, что самые лучшие изделия тибетских ремесленников издавна бесплатно поступали в монастыри, являвшиеся в силу этого своеобразными хранилищами предметов народного прикладного искусства. Этот раздел, как и весь альбом, дает яркое представление о художественном мастерстве талантливого тибетского народа.

Влияние буддизма на тибетское искусство с достаточной полнотой отражено в альбоме Лю И-сы «Буддийское искусство Тибета»⁹. Альбом составлен из фотоснимков, сделанных в 1955 г. в разных районах Тибета членами экспедиции, изучавшей буддийское искусство страны. В альбоме, что очень важно, приведены точные данные о местонахождении того или иного предмета искусства, а также его размеры и время его создания. Недостатком альбома является то, что его составитель не дал подробных пояснений к репродукциям. Выполнение их к тому же часто оставляет желать лучшего. В альбоме даны три раздела: по архитектуре, живописи и скульптуре; во всех этих разделах есть немало новых материалов, что составляет главную ценность издания.

Таким образом, за последние годы появился ряд иллюстрированных изданий о Тибете, в которых нашли отражение исторические перемены, происходящие в жизни тибетского народа, а также его традиционный быт, архитектура, искусство.

Значение данных изданий усугубляется тем обстоятельством, что с течением времени в Тибете будет все более и более расширяться экономическое и культурное

⁸ L. Jisl, V. Sis, J. Vaniš, *Tibetische Kunst*, Prag, 1958, 46 стр. + 112 илл.

⁹ Лю И-сы, *Сицзан фочжао ишу*, Пекин, 1957, 8 стр. + 81 илл.

строительство, что приведет к большим изменениям в общественной структуре Тибета в укладе жизни его населения. Поэтому как можно более широкое отображение в фотографии и кинематографии различных сторон жизни Тибета наших дней приобретает особо важное значение.

С другой стороны, Тибет — труднодоступный район земного шара, систематический иллюстративный материал по которому почти полностью отсутствовал. Это пробел лишь теперь начинает заполняться. Уже на основании имеющихся в наше распоряжении альбомов можно получить наглядное представление об архитектурных особенностях жилища центрального и южного Тибета, о единстве типа одежды в всей территории страны и о многообразии типов головных уборов и украшений, бытующих в различных районах. К сожалению, в этих изданиях освещены только центральные и отчасти северо-восточные и южные районы страны. Но несомненно, что с течением времени появятся альбомы и по остальным районам.

Важность иллюстративного материала по Тибету определяется еще и тем, что в этнографическом отношении он практически почти не изучен и представление об отдельных сторонах его материальной культуры в науке до сих пор довольно нечеткое, что дает повод к всевозможным умозрительным построениям. В связи с этим необходимо отметить следующее. Изданные альбомы построены авторами в основном по одному и тому же принципу — отображение всех доступных для наблюдения сторон жизни тибетцев. Этот принцип имеет несомненное достоинство — он дает возможность показать повседневную жизнь населения страны во всем ее многообразии. Выпуск таких альбомов не только по Тибету, но и по всем труднодоступным районам мира, был бы очень желателен. Но теперь уже более желательными были бы издания иллюстраций по отдельным сторонам материальной культуры тибетцев или же их искусства. В этом отношении выгодно выделяются альбомы «Тибетское искусство» и «Буддийское искусство Тибета», которые можно считать первыми изданиями подобного рода. Материал для таких тематических изданий в некоторой мере уже, очевидно, есть, объем его будет увеличиваться и в дальнейшем, по мере все более широкого знакомства с этой областью земного шара, и, несомненно, что с течением времени подобные альбомы (или атласы) будут созданы. Пока же можно с удовлетворением констатировать появление совершенно не известного ранее особого рода изданий, посвященных Тибету, расширяющих наши представления об этой стране. Эти альбомы могут быть полезны не только специалисту-этнографу и искусствоведу, но и лектору, пропагандисту, преподавателю и широкому кругу читателей, ибо они дают наглядное представление об этой области Китайской Народной Республики.

* *
*

В литературе по этнографии Тибета встречается сравнительно немного сведений о тибетцах других районов Китая. Отдельных работ на эту тему также очень мало. Поэтому появление книги Г. Штубеля об одной из групп тибетцев провинции Ганьсу можно только приветствовать¹⁰. Нелишне будет вспомнить, что большинство всех тибетцев Китая расселено вне Тибета: из 2 775 600 тибетцев в собственно Тибете и районе Чамдо проживает примерно только 1 274 000, а остальные — в провинциях Сычуань, Юньнань, Цинхай и Ганьсу, причем в последней более 204 600.

Г. Штубель одним из первых дал этнографическое описание населения района близ Линьтаня. Маршруты известных русских исследователей Центральной Азии и северных районов Тибета в конце XIX — начале XX в. пролегли северо-восточнее этого района. Ближе всех от него прошли Г. Н. Потанин в 1885 г. и П. К. Козлов во время своего путешествия 1889—1901 гг. Этнографическое описание тибетцев этой части Ганьсу привлекает внимание также тем, что, по сообщению китайских летописей, предки тибетцев (яня) населяли области к востоку от оз. Кукунор. Восточные районы Ганьсу и западная часть Шэньси, будучи древнейшей этнической территорией тибетцев, входили в область расселения яня, которые на протяжении длительного периода своей истории сталкивались здесь с племенами чжоу, сюнну, юэцжи и с китайцами. Это обстоятельство делает этнографическое изучение современных тибетцев Ганьсу особенно важным.

Рецензируемая книга написана на основе собранных автором полевых материалов во время его пребывания в Ганьсу летом и осенью 1936 г. Материал, конечно, частично устарел, но почти полное отсутствие этнографических описаний отдельных групп тибетцев Ганьсу заставляет считать целесообразным остановиться на нем. К сожалению, автор не смог в условиях войны в Китае сохранить собранные им этнографические коллекции и фотоматериалы, которые теперь трудно восстановить, и это отразилось на работе.

Г. Штубель побывал у одного из тибетских племен, которое он называет меву,

¹⁰ Hans Stubel, *The Mewu Fantzu. A Tibetan tribe of Kansu*, New Haven, 1958, 66 стр.

расселенного к востоку от Линьтяня¹¹. Он дал краткие сведения об антропологическом типе и языке меву, описал хозяйство, различные стороны материальной и духовной культуры и обычное право этой группы тибетцев. Социально-экономические отношения освещены автором в меньшей степени. Книга является добросовестной, хотя и не совсем полной сводкой этнографических данных о тибетцах-меву. Материал расположен по кратким разделам, но несколько бессистемно.

По роду занятий меву в годы пребывания у них автора четко делились на земледельцев и скотоводов, связанных между собой прочными экономическими отношениями. Скотоводы держали яков, овец, лошадей. Количество скота, принадлежавшего в 1936 г. отдельным семьям, резко колебалось: богатые скотоводы владели стадами более чем в 100 голов яков и 700 овец, в то время как другие меву не имели ни одной головы скота и были вынуждены арендовать его на тяжелых условиях. Автор отмечает, что семья в пять человек необходимо было иметь стадо в десять яков, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум (стр. 18). Скотоводы объединялись для перекочевки в группы от 4 до 40 семей, в среднем же по 20—25 (стр. 14). Объединения были непостоянными; состав семей в каждом из них ежегодно определял глава племени. За год скотоводы-меву, входившие в одно объединение, совершали три перекочевки, сменяя два летних пастбища и одно зимнее. Каждая семья из года в год пользовалась одним и тем же зимним пастбищем, тогда как летние пастбища периодически менялись. Зимние пастбища были как бы центрами, вокруг которых объединялись постоянные группы соплеменников, распадавшиеся на лето на более мелкие объединения с переменным составом участников. На зимних пастбищах скотоводы засеивали овсом участки земли и жали его зеленым, заготавливая на зиму как корм лошадям. (Скотоводы же Тибета, наоборот, никогда не заготавливали кормов для скота). Поля овса принадлежали главе племени, которому все скотоводы-меву должны были уплачивать за пользование ими ежегодную натуральную ренту, преимущественно маслом (стр. 55). Это обстоятельство говорит о том, что уже вся земля фактически находилась в руках вождя племени.

Большую часть времени Штубель провел у скотоводов, и поэтому о земледельцах он пишет очень мало. Земледельцы-меву, по его сообщению, выращивали главным образом цинко (сорт ячменя), пшеницу, овес, бобы, репу.

Меву занимались также охотой, но она не имела для них большого значения. Охотились на сурков, оленей, лисиц, рысей, волков. Ремесла были развиты слабо. Мужскими ремеслами считались изготовление одежды и производство седел, женскими — производство пряжи (в кочевых районах) и ткачество (в земледельческих).

Как видно из приводимых автором данных, у меву господствовали общественные отношения раннефеодального типа с сильными пережитками родоплеменного строя. У них еще сохранились некоторые формы взаимопомощи. Так, если у какой-либо семьи в результате бескорыстия или эпидемии падал весь скот, то соседи и друзья передавали в собственность пострадавшей семье по несколько голов животных (стр. 26). Эта обязанность помогать пострадавшим сородичам или соседям, по-видимому, уже сошла на нет, так как среди меву было довольно много арендаторов, не имевших ни одной головы скота. Трудовая взаимопомощь соседей в широких масштабах осуществлялась при стрижке овец (стр. 20). У меву, по сообщениям автора, были особые общества, известные под названием «тазова» (стр. 56)¹². Главная их задача состояла в обеспечении безопасности своих членов. Тазова объединяла до ста семей; во главе стоял избиравшийся всеми ее членами вождь. Она делилась обычно на четыре группы; каждую возглавлял выборный вождь, по имени которого и называлась данная группа. Тазова различалась по общественному весу, и некоторые семьи старались перейти в более влиятельное общество, за что вождю его делали ценный подарок, а членам тазова, с чьим именем считалось общество, дарили овец и устраивали для них угощение. Группа в целом несла ответственность за преступление, совершенное ее членом. Виновный уплачивал штраф; если же он не мог выплатить его целиком, то платила вся группа, а должник потом расплачивался с ней. Тазова имела право изгнать преступника из своей среды, причем в этом случае его могла принять в свои члены другая тазова.

Автор, говоря о материальной культуре тибетцев-меву, отмечает некоторые важные особенности. Скотоводы жили в обычной тибетской палатке¹³, разделенной на две половины очагом, имевшим прямоугольную форму. Правая половина от входа и очага считалась мужской, левая — женской, и мужчины и женщины без особой на то необходимости не заходили на противоположную сторону палатки. У меву сохранялись следы почитания огня: строго запрещалось переступать через очаг или открытый огонь, что-либо передавать через него. Автор упоминает об особенностях очага у меву. Правая часть очага, выходящая на мужскую половину, была устроена по типу простейшего

¹¹ Сейчас этот район входит в Ганьянский тибетский автономный округ провинции Ганьсу, в котором в конце 1956 г. проживало 178 397 тибетцев.

¹² О подобных же обществах упоминал и Эквалл. См. R. V. Ekvall, *Cultural Relations on the Kansu-Tibetan Border*, Chicago — Illinois, 1939, стр. 69.

¹³ Тибетская палатка имеет прямоугольную форму. Она состоит из двух полотнищ, натянутых на два вертикальных шеста, соединенных перекладиной. От углов крыши и от середины ее сторон протянуты шесть оттяжек, прикрепленных к земле кольями. В середине крыши почти во всю ее длину оставлено узкое отверстие для выхода дыма от очага и для освещения.

кана: пламя, проходя через два коротких колена в виде труб, нагревало их (стр. 11). Остается только пожалеть об отсутствии в книге рисунков или фотоснимков, ибо в полное описание не дает возможности решить, действительно ли это простейший тип кана, как утверждает автор (в таком случае он скорее всего заимствован у китайцев, ибо остальные тибетцы кана никогда не знали), или же — один из вариантов очага тибетцев-кочевников Дэгэ и северного Тибета. Хорошее описание и рисунки этих типов очагов дал еще А. Н. Казаков¹⁴.

Зимнее жилище кочевников по своему устройству было несложно. Это глинобитный двухкамерный дом с плоской крышей (деревянные горизонтальные балки клали на стены и затем покрывали несколькими слоями хвороста и земли). В одной из комнат, в свидетельству автора, был установлен кам, который топили с улицы. Это также можно объяснить только заимствованием у китайцев. Дом был расположен в центре двора и окружен глинобитной стеной, за которой на ночь укрывали скот.

Одежда тибетцев-меву была близка к общему типу одежды тибетцев Китая. Особенностью ее являлось то, что к подолу мужской чубы¹⁵ подшивали несколько ярких разноцветных полосок шелка, которые должны были изображать как бы нижние края нескольких чуб, надетых одна на другую, что у тибетцев-меву являлось признаком богатства. Прическа тибеток этой группы — две-три выпадающих вдоль спины толстые косы в обрамлении 80—100 тонких кос (стр. 11) — типична для тибеток в большинстве районов кочевого скотоводства Тибета. Первый раз такую прическу девочке делал в шесть-семь лет; примерно с этого же возраста она начинала носить украшения обычного для тибеток типа: серьги, ожерелья, ладанку и т. п.

Пищей скотоводов были в основном различные молочные продукты: масло, сыр и пр., цзамба (мука из размолотых поджаренных зерен ячменя). Мясо ели сравнительно редко, причем его не жарили¹⁶, а только варили, что было характерно для большинства групп тибетцев. Обычно употребляли баранину; если же забывали яка, то сообщали одного на несколько семей. Под Новый год скотоводы покупали у земледельцев-меву свиней, так как свинина у них была обязательным блюдом новогоднего стола; в обычное же время тибетцы не употребляли ее в пищу (стр. 24). Отметим, что тибетцы-скотоводы вообще в редких случаях едят свинину, и появление этого необычного для них обязательного праздничного блюда объясняется, по-видимому, также тем, что тибетцы этого района Китая уже с древнейших времен тесно соприкасались с китайцами. Многочисленные пищевые запреты у скотоводов-меву были освящены ламаизмом; они, в отличие от некоторых соседних народов, не ели мяса лошадей, мулов, ослов, собак, сурков (на них охотятся только из-за шкурок), а также рыбы, птиц и яиц. Пищу принимали три раза в день, мужчины и женщины отдельно.

Преобладающей формой брака у меву была моногамия; в редких случаях встречались полигамия и полиандрия. Был распространен кросскузенный брак. Если в семье не было сыновей, то в дом принимали зятя. Свадебные обряды у меву были очень просты, рождение ребенка особыми празднествами не отмечали. Женщина в семье во многих случаях имела решающий голос.

По религии меву — ламаисты; у них сохранялась также вера в духов земли, реке — воды, но более всего почитали духов гор, которым приносили жертвы перед началом охоты. Скотоводы верили, что каждая семья имеет духа — хранителя жилища. Местопребыванием его считали пучок шерсти, висевший в левом дальнем углу палатки (стр. 35). В этот пучок добавляли шерстинки из шкур животных, которых забывали в этом хозяйстве. После еды пучок смазывали остатками чая, масла, молока, что считалось жертвой духу — хранителю жилища. В районе расселения тибетцев-меву сохранилась и религия бон, жрецы которой занимались также изгнанием болезней (стр. 36). Летом скотоводы-меву совершали коллективный обряд с целью обеспечить процветание стада (стр. 48). Обряд длился пять дней, в течение которых пост чередовался с обильными пиршествами и обращенными к духам молитвами о благоприятных ветрах и необходимых дождях. Особых жертвоприношений не было. Каждая семья должна была дать хотя бы одного представителя для участия в этом обряде, в противном случае вождь племени налагал на нее штраф. Описанием духовной культуры автор заканчивает свою историко-этнографическую работу.

Таким образом, основное достоинство книги состоит в том, что в ней дано этнографическое описание небольшой и пока малоизученной группы тибетцев. Но сведениями, приводимыми автором, можно пользоваться, только учитывая коренные изменения последних лет в жизни тибетцев Ганьсу, как и в жизни всех национальностей Китая. За последние годы в Ганьнанском тибетском автономном округе выросла своя промышленность, построены завод сельскохозяйственных машин в Лабране, авторемонтный, стекольный и химический заводы, кожевенная фабрика, молочный и пищевой комбинаты¹⁷. Среди скотоводов округа развернулось движение за повсеместное создание кооперативов высшего типа, за сплошное кооперирование. Скотоводы районов Мацуй и Луцуй намерены в ближайшее время перейти к оседлости и создать постоянные по-

¹⁴ См. А. Н. Казаков, Мои пути по Монголии и Каму, СПб., 1907, стр. 100—103.

¹⁵ Чуба — национальная одежда тибетцев. Это длинная распашная одежда со стоячим воротом и длинными рукавами. В талии чубу перехватывают поясом так, что над ним образуется напуск, куда кладут различные мелкие вещи.

¹⁶ По некоторым сообщениям, сейчас уже употребляют в пищу и жареное мясо.

¹⁷ Журнал «Дружба», 1959, № 3, стр. 25.

селки в местах кочевий, осуществить механизацию и электрификацию хозяйства. Уже сейчас многие скотоводы переселяются в новые дома. В округе проводятся работы по улучшению пастбищ и созданию более продуктивных пород скота. Неизмеримо вырос и культурный уровень населения этого округа. Г. Штубель пишет, что грамотными в то время были в основном ламы и лица, соприкасавшиеся с монастырями по роду своей деятельности. Теперь же в Лабране создан университет культуры, в Хэцзо — административном и хозяйственном центре округа — открыты университет, кинотеатр, больница, начато строительство политехникума и животноводческого института. Эти перемены в хозяйстве и культуре населения округа не могли не привести к изменениям в быте тибетцев. Сейчас, когда в условиях осуществления «большого скачка» буквально с каждым днем меняется лицо Китая, особенно быстро идет ломка старого, отживающего. Этот же процесс происходит и в Ганьнаньском тибетском автономном округе, и поэтому к тибетцам современного Линьтяня нельзя подходить с меркой 1936 г.

К недостаткам работы можно отнести то, что автор при описании материальной культуры подчас механически использует уже давно опубликованные материалы, особенно работы У. Рокхила, и не всегда отмечает локальные различия. Композиционная рыхлость в ряде случаев обусловила повторы. Книга носит исключительно описательный характер, и было бы тщетно искать в ней каких-либо выводов автора. Тем не менее, она будет полезна этнографу как сводка материалов, использование которых позволит сравнить прошлое и современное положение тибетцев Ганьсу, сравнить этнографические особенности меву и других групп тибетцев Китая.

Ю. Журавлев

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИРАНУ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

(Аннотированный список)

А б е д и, Хасан. *Эсфахан аз лехазе эджтемаи ва эгтесади* (Исфаган с общественной и экономической точек зрения). Исфаган, 1955, 244 стр., табл.

Историческое, экономическое и географическое описание города Исфагана и его окрестностей. Содержит сведения о городах, районах, численности населения, селениях, средствах связи, транспорте, промышленности, сельском хозяйстве, орошении, ремеслах и торговле, исторических памятниках, административных учреждениях и их функционировании, годовых доходах и расходах Исфагана и его округа, числе жилых домов и магазинов, просвещении, здравоохранении, религиозных меньшинствах и т. д. Книга снабжена таблицами, иллюстрирующими статистический материал о населении Исфагана.

«*Айнэ-йе фарханг-е Иран ва джахан*» (Культура Ирана и мировая культура), под ред. Шехаб-нур Атаолла. Тегеран, б/г., 284 стр.

Сборник статей, посвященных различным вопросам культуры и педагогики. Книга имеет характер справочника для работников просвещения. Содержит сведения об обучении и воспитании детей, о современном образовании, музыке и искусстве, краткой истории культуры Ирана, об Археологическом и Антропологическом музеях, о научной работе Тегеранского университета, с перечнем его изданий.

А м и н и, Амир Голи. *Гозидэ-йе асар* (Правдивые рассказы), Исфаган, 1954, 330 стр.

Сборник рассказов и стихов о жизни иранского народа. Авторы — средневековые и современные персидские историки, философы, филологи.

«*Банге Иран*» (Женщина Ирана). Тегеран, 1956, 48 стр. илл.

Иллюстрированное издание на трех языках (персидском, английском, французском) пропагандистского характера. Весьма лаконично сообщается о древнем и современном свадебном обряде в Иране, ковроткацком искусстве, персидской миниатюре, спорте, образовании женщин и т. д. Иллюстрации показывают одежду и танцы некоторых народов Ирана.

Б а х р а м и, Таги. *Джография-йе-кешаварзи-йе Иран* (Сельскохозяйственная география Ирана). Тегеран, 1954, 680 стр., табл., илл.

Книга, состоящая из 30 глав, охватывает различные вопросы сельского хозяйства Ирана. Рассматриваются сельскохозяйственные области, посевные площади и пастбищные участки, продукция земледелия и скотоводства, выращивание скота и уход за ним, породы различных видов скота. Особое внимание привлекает описание различных районов Ирана (Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Горган, Хорасан, Сеистан и Белуджистан, Керман, Фарс, Исфаган, Хузистан, Луристан, Курдистан и т. д.) с точки зрения их сельскохозяйственных показателей. Имеются цифровые данные о лесных массивах, о пастбищах в Иране, перечислен 21 пастбищный район.

Б е й а т, Азизолла. *Асар-е-бастани-йе Керманшах* (Древние памятники Керманшаха). Керманшах, 1952, 52 стр., илл.

Краткое описание древних памятников района Керманшаха в различные исторические периоды, под властью мидийцев, Ахеменидов, Ашканидов, Сасанидов.

Б е х р у з, З. *Тавим ва тарих дар Иран* (Календарь и летосчисление в Иране) Тегеран, 1952, 139 стр.

Кроме описания истории появления календаря вообще, книга содержит сведения об истории календаря в Иране и летосчислении с древнейших времен до утвержде-